

Докукин А.В., Орлова Е.Е. Понятийный аппарат нормотворчества в техническом регулировании [Электронный ресурс] // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования: Научный интернет-журнал. 2013. – № 5(15). Режим доступа http://iea.gostinfo.ru/files/2013_05/2013_05_09.pdf

УДК 340.134

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ НОРМОТВОРЧЕСТВА В ТЕХНИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Орлова Е.Е., ФГБОУ ВПО Тамбовский государственный технический университет, Юридический институт, Кафедра «Трудового и предпринимательского права», кандидат юридических наук, доцент.

Докукин А.В., ФГУП СТАНДАРТИНФОРМ, доктор экономических наук.

В статье уточняется понятийный аппарат нормотворчества в техническом регулировании. Рассматриваются значения связанных с ним терминов и понятий. Даются рекомендации по построению единой понятийной системы описания технико-социальных и социальных норм, включая технико-правовые и правовые нормы.

Ключевые слова: нормотворчество, понятийный аппарат, терминология, техническое регулирование

UDC 340.134

CONCEPTUAL APPARATUS RULEMAKING TECHNICAL REGULATION

Orlova E.E., VPO Tambov State Technical University, Institute of Law, Department of "Labor and business law", PhD, Associate Professor

Dokukin A.V., FSUE STANDARTINFORM, Doctor of Economics

The article clarifies the conceptual apparatus of rulemaking in the technical regulation. Consider values of related terms and concepts. Recommendations on building a single conceptual system of descriptions of techno-social and social norms, including techno-legal and legal norms.

Keywords: rule-making, conceptual apparatus, terminology, technical regulation.

Проблема разграничения понятий, связанных с нормотворчеством, продолжает оставаться в центре юридических дискуссий. За последние годы

данная тема рассматривалась, в различных аспектах, в десятках диссертационных работ, многократно обсуждалась в различной научной литературе.

Обзор терминологической базы показывает, что все термины в данной области представляют собой сложные слова, образованные из двух корней – первый описывает объект процесса (норма, закон или право), а второй характеризует особенности процесса (творчество или образование).

Таким образом, используются следующие термины – правотворчество и правообразование, нормотворчество и нормообразование, законотворчество (термин законообразование теоретически возможен, но в научно-юридической литературе встречается крайне редко; с другой стороны, помимо законотворческого, речь часто ведется о законодательном процессе).

При этом слова с корнем – образование используются для описания объективного, социально детерминированного процесса появления и развития норм, законов и т.д., а слова с корнем – творчество – для описания волевого, целеустремленного процесса формирования и формализации норм.

В частности, можно привести следующие примеры понимания указанных терминов различными учеными.

А.Б. Венгеров рассматривает правотворчество как «организационно оформленную, установленную процедурную деятельность государственных органов по созданию правовых норм, или по признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения» [1]. Н.И. Матузов и А.В. Малько [2] понимают под правотворчеством «деятельность государственных органов по принятию, изменению и отмене юридических норм». С.С. Алексеев указывает, что правотворчество, в вышерассмотренном понимании его как деятельности уполномоченных органов, является финальной стадией объективного, социально обусловленного процесса правообразования: «Правотворчество - это специальная деятельность компетентных органов, завершающая процесс правообразования, в результате которой приобретает юридическую силу и вступает в действие закон» [3].

Таким образом, в правотворчестве «находят концентрированное, «конечное» выражение два главных процесса правообразования - объективно обусловленные требования социальной жизни, с одной стороны, активная, творческая деятельность компетентных органов по выработке и включению тех или иных норм в действующую правовую систему с другой» [4].

Аналогичной позиции придерживается и Б.А. Кистяковский, подчеркивая объективный, социально обусловленный характер правообразования: «процесс правообразования - по крайней мере на первых стадиях своих - чисто социальный процесс» [5].

К.Н. Дмитриевцевым предлагается развернутое определение правотворчества, в понимании смысла «творчества» как волевой, целеустремленной деятельности специально уполномоченных органов и лиц схожее с предыдущими: «Правотворчество - это деятельность специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, заключающаяся в создании (институировании, санкционировании) правовых норм, отражающих существующие тенденции развития личности, общества и государства, деятельность, представляющая собой нахождение компромисса, возникающего в результате учета общего и частного в интересах всех социальных объектов; деятельность, направленная на формирование общественного, группового и индивидуального правосознания с целью упорядочения и регламентации общественных отношений, объективно имеющих правовую природу» [6].

Согласны с подобным подходом и А.Ф. Черданцев, С.А. Комаров:

А.Ф. Черданцев считает, что «право - результат правотворческой деятельности государства. В праве выражается его воля. Но эта воля - не голый приказ, не чисто волюнтаристский произвол, а воля детерминированная, обусловленная многочисленными факторами общественной жизни (структурой экономических отношений, уровнем развития экономики, системой социальных отношений, соотношением социальных и политических сил, их конфронтацией или согласием, состоянием правосознания, правовой

культуры, определенными ожиданиями общества относительно целей и правовых средств решения той или иной социальной проблемы, состоянием преступности и законности в обществе и т.п.)» [7].

С.А. Комаров понимает под правотворчеством «вид государственной деятельности, в результате которой воля народа (класса, социальной группы) возводится в закон, выражается в норме права, в определенном источнике права» [8].

По мнению В.В. Оксамытного «правотворчество — это специальная, имеющая официальное значение процедурная деятельность государственных органов или иных предусмотренных законом организаций и лиц по созданию и развитию действующего законодательства» [9].

Близкое понимание правотворчества предлагается и А.А. Соловьевым, который, однако, подчеркивает, что правотворчеством могут заниматься не только государственные, но и «иные уполномоченные» органы: «По своей сущности правотворчество есть возведение государственной воли в закон, в имеющие общеобязательное значение юридические предписания. На современном этапе развития правотворчество проявляется в первую очередь как издание актов, содержащих правовые нормы, государственными и иными уполномоченными органами» [10].

А.В. Ильин резюмирует: «В специальной литературе подчёркивается необходимость принципиального различия терминов «формирование права» («правообразование») и «правотворчество» [11, 12]. Существуют различные точки зрения по вопросу о том, что именно из предварительной стадии формирования права следует включать в понятие правотворчества. Крайней позицией является включение в данное понятие только процесса издания нормативных правовых актов [13]. Более широкое понимание этой проблемы охватывает, кроме того, подготовку проекта соответствующего нормативного правового акта, его предварительное обсуждение, подготовительную работу, которая ведётся в связи с проектом нормативного правового акта и по поводу него.

На современном этапе развития общества понятие «правотворчество» призвано охватить более широкий круг явлений, включить в себя все сложные процессы, предшествующие принципиальному решению о подготовке проекта нормативного правового акта, выявить потребности в правовом регулировании тех или иных видов общественных отношений, направление и характер такого регулирования» [14].

Таким образом, можно констатировать наличие определенного консенсуса по вопросу соотношения понятий «творчества» и «образования», рассмотренных на примере правотворчества и правообразования.

Основным исключением из консенсусной системы взглядов по данному вопросу является позиция В.С. Нерсесянца, исходящая из его либертарно-юридической теории правопонимания с различием «права» и «закона».

В.С. Нерсесянцу не нравится использование слова «творчество» в термине «правотворчество», понимаемом, в духе вышерассмотренной консенсусной платформы, как активная деятельность государственных органов по созданию, изменению и отмене правовых норм, поскольку, по его мнению, «право как объективное социальное явление (особый регулятор, специфическая форма общественных отношений), принципом которого является формальное равенство, - это не творение государства и не продукт государственно-властной воли, а особая духовная форма выражения совокупных итогов сложного и многофакторного социально-исторического процесса общественной жизни людей, результат достигнутой соответствующим обществом (и народом) ступени развития в общецивилизационном прогрессе равенства, свободы и справедливости в человеческих отношениях» [15].

Поэтому он предлагает термин «правоустановление», понимая под ним форму (направление) государственной деятельности, связанную с официальным выражением и закреплением норм права, которые составляют нормативно-правовое содержание всех действующих источников позитивного права.

Таким образом, В.С. Нерсесянц стремится отнести все основные творческие составляющие процесса образования права (правообразования) к объективно обусловленным «духовным формам выражения многофакторных социально-исторических процессов», а служебную роль государства в этом процессе подчеркнуть термином «установление» вместо «творчество».

С теоретических позиций данные взгляды В.С. Нерсесянца являются спорными ввиду своего либертарного радикализма, фактически отрицающего субъектность государства в правообразовании. Например, Х.И. Кайтаева комментирует концепции В.С. Нерсесянца следующим образом: «едва ли можно согласиться с отрицанием воли правотворца и объявлением право-творчества объективной духовной формой выражения совокупных итогов социально-исторического процесса. Вопрос о субъекте воли, выраженной в позитивной норме, остается ключевым» [16]. Однако ключевой момент построений В.С. Нерсесянца – подчеркивание творческого характера свободно протекающих социально-экономических процессов как порождающих правовые нормы, которые в дальнейшем лишь оформляются и «устанавливаются» государством – весьма актуален применительно именно к сфере технического регулирования, в которой роль волюнтаризма законодателя существенно сужена, с одной стороны, объективными законами природы, с другой – стихийными процессами зарождения и распространения «стандартов де-факто», лежащих в основу санкционированных стандартов.

По второму вопросу – различия терминов «право», «закон» и «норма», характеризующих объект соответствующих процессов образования или творчества – согласия в научной литературе не наблюдается. Различные авторы предлагают разные, зачастую противоположные трактовки данных понятий. Так, Ю.Е. Сысоев утверждает: «Традиционно в научной литературе «нормотворчеством» обозначается деятельность министерств и ведомств по созданию, изменению и отмене ведомственных нормативных актов, т.е. ведомственное нормотворчество. Или, как считают отдельные авторы, правотворчество в зависимости от значимости принимаемых актов

подразделяется на законотворчество и подзаконное правотворчество. Где законотворчество представляется как процесс по созданию законодательных актов высшими представительными (законодательными) органами государства, включающий особую процедуру - стадии законотворческого процесса, а подзаконное правотворчество не что иное, как нормотворческая деятельность органов исполнительной власти и приравненных к ней (по виду принимаемых ими нормативных правовых актов как подзаконных) органов и лиц.

В рамках нашего исследования «нормотворчество» трактуется как деятельность органов государственного управления (органов исполнительной власти) по созданию, изменению или отмене правовых норм путем принятия нормативных правовых актов. Эта деятельность, следовательно, представляет собой лишь часть правотворческой деятельности государства, не охватывая процесс законотворчества» [17].

Таким образом, по мнению Ю.Е. Сысоева и его единомышленников более общим понятием является правотворчество, а его частными видами – законотворчество и нормотворчество, понимаемое как создание, изменение или отмена подзаконных нормативно-правовых актов. Соответственно, под «нормами» он понимает подзаконные нормативно-правовые акты.

Противоположная позиция излагается А.В.Ильиным:

«Система нормативного регулирования - это совокупность социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе, отношения их между собой в рамках объединений, коллективов, и социально-технических, регламентирующих их взаимоотношения с природой.

Система социальных норм выступает лишь частью системы нормативно-го регулирования, так как в обществе действуют два вида норм (правил поведения): социально-технические и собственно социальные. Следовательно, с учетом обозначенных выше положений, на наш взгляд, нормотворчество включает в себя такие виды как социально-техническое нормотворчество (по

формированию социально-технических норм, входящих в систему нормативного регулирования); собственно социальное нормотворчество (по формированию собственно социальных норм, входящих в систему нормативного регулирования)» [14].

Таким образом, по мнению А.В. Ильина, именно нормотворчество выступает родовым понятием, включающим как социально-техническое нормотворчество (понятие, близкое к техническому регулированию в терминологии ФЗ ТР), так и социальное нормотворчество. При этом Ильин считает, что «социальное нормотворчество, кроме того, включает, при вышеуказанном подходе, как собственно правотворчество (в том числе законотворчество), так и проправовое нормотворчество обеспеченное возможностью государственного принуждения, а также внеправовое (формирование корпоративных, религиозных, и иных норм)».

По нашему мнению, подход А.В. Ильина представляется более обоснованным.

Так, рассмотрение определений слова «норма» в различных словарях показывает предельно обобщенный характер данного понятия.

«норма - предписание, разрешение или запрещение действовать определенным образом. Норма выражается нормативным, или деонтическим, высказыванием» [18];

«норма - общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях» [19].

Р.И. Капелюшников [20] следующим образом описывает понятийный аппарат, связанный с нормой, предложенный в статье Нобелевского лауреата Э. Остром «Грамматика институтов» [21].

«Остром предложила различать три базовых типа институциональных высказываний, относящихся либо к «общим стратегиям», либо к «нормам», либо к «правилам». ...

Понятие «стратегии» используется Остром в стандартном значении, принятом в теории игр. Высказывание о стратегии представляет собой

инструкцию, практический совет («делай так-то») и должно содержать три обязательных элемента: 1) обозначение тех, кому оно адресовано; 2) обозначение желательного положения вещей или желательных действий, на которые оно направлено.; 3) обозначение ситуаций, к которым оно относится. Однако высказывания о стратегиях становятся «институциональными», только если они разделяются всеми или, по крайней мере, многими участниками взаимодействия; в противном случае они утрачивают реальное поведенческое значение. (В литературе то, что Остром называет «общими стратегиями», часто обозначается также термином «конвенции».)

При переходе от «общей стратегии» к «норме» к трем предыдущим элементам добавляется еще один, а именно глагол в модальной форме - «может», «должен» или «не должен». Согласно Остром, принципиальное отличие «норм» от «общих стратегий» состоит в том, что благодаря им разрешенные или запрещенные действия могут приобретать в глазах участников дополнительную ценность сами по себе - независимо от того, к каким результатам они приводят. Эту добавочную ценность она обозначает термином «дельта-параметр». Дельта-параметр отражает «нематериальные» выгоды и издержки, возникающие при соблюдении или нарушении различных социальных норм. ... Если внутренние «дельты» возникают в результате интериоризации индивидами различных социальных норм, то внешние - в результате социального давления, направленного на их выполнение (по существу, в этом случае речь идет о разного рода репутационных эффектах).
...

Переход от «нормы» к «правилу» сопровождается появлением еще одного элемента - оговорки «иначе» (or else), «в противном случае». Согласно Остром, формулировка «правила» в отличие от формулировки «нормы» всегда содержит указание на то, что должно последовать при его несоблюдении - какие издержки в таком случае предстоит понести нарушителю. ... В результате функционирование «правила» оказывается

невозможным без появления еще одного участника взаимодействия - «контролера», налагающего санкции».

Таким образом, в понимании Остром норма является фундаментальным понятием в институциональной теории, предшествующем «правилу» (в котором легко различить признаки правовой нормы).

В дебатах о сущности стандартов также обычно используется слово «норма», чаще с уточняющим словом «техническая» или «технико-социальная».

Существует несколько взглядов на правовую природу норм, содержащихся в технических регламентах и стандартах. Согласно первому, технические нормы регулируют отношение человека к материальным объектам, а не отношения между людьми, поэтому не относятся к социальным нормам. Социальными нормами индивиды руководствуются в своих отношениях друг к другу, они обращены, по определению Г.Ф. Шершеневича, к «существу, способному воспринять поведение и сообразовать с ним свое поведение» [22]. В свою очередь, технические нормы «основаны на познании природы, регулируют поведение в системах “человек – машина”» [23].

Согласно второму, технические нормы также рассматриваются как нормы, регулирующие отношение человека к материальным объектам, но социальные последствия этих отношений позволяют говорить о «социальной включенности» технических норм.

Согласно третьему [24, 25] технические нормы регулируют не отношения человека к материальному миру, а отношения людей между собой в процессе использования ими объектов материального мира, поэтому они имеют социальный характер. Соблюдение технических норм является обязанностью людей не по отношению к вещам, а по отношению к другим людям, их общностям, включая государство.

Данная точка зрения была подробно раскрыта в трудах А.Ф. Черданцева, который определял технические нормы как совокупность правил поведения, «определяющих меру поведения людей по отношению к природе, орудиями и

средствам производства и другим предметам внешнего мира, регламентирующих производственные процессы, устанавливающих приемы и методы технических действий, требования к конструкциям орудий производства, качественным показателям производимой продукции, сырью, материалам и т.д.» [26].

В.Н. Иванова [27], подчеркивая социальную природу технических норм, различает собственно технологические требования и технико-социальные нормы: «Существуют такие технические нормы, которые являются непосредственным выражением объективных закономерностей природы. Например, нормы давления, нормы тепла – это объективно существующие нормы... Понятие “технические требования” выражает лишь объективные свойства веществ и природных процессов, с которыми сталкивается человек в производственной деятельности... количественную сторону свойств веществ и природных процессов». В свою очередь, «социальные технические нормы есть результат использования [технических требований] в процессе преобразующей деятельности человека, который создает на их основе нормы и нормативы работы оборудования; нормативы затрат человеческого труда. Данные нормы – результат сознательной деятельности человека, убежденности общества в их социальной полезности».

А.В. Калмыкова резюмирует: «технические нормы, закрепляемые в нормативных актах («технико-социальные нормы» в терминологии В.Н. Ивановой), в отличие от технических требований, не только описывают жизненную ситуацию, но и предписывают определенный выбор из возможных линий и вариантов поведения, выбор, опирающийся на властное веление государства. Они отвечают всем признакам правовых норм:

- исходят от государства;
- выражают государственную волю;
- объективируются в специальных нормативных актах, издаваемых компетентными органами;
- регулируют общественные отношения;

- их соблюдение обеспечивается возможностью государственного принуждения.

Таким образом, техническое правило, облеченное в правовую форму, не теряя своего технического характера, приобретает качественные признаки правовой нормы, становится технико-юридической нормой, обращенной к воле и разуму человека, способной регулировать его поведение»[28].

Соглашаясь с ней по сути, автору представляется необходимым внести поправку в используемую ей терминологию. Представляется неправомерным отождествление «технико-социальных норм» с «техническими нормами, закрепленными в нормативных актах». Отличительный признак технико-социальных норм, в их отличии от технических – это тот факт, что они описывают нормы взаимоотношения людей между собой в ходе процесса их взаимодействия с материальным миром, а не нормы воздействия людей на материальный мир сами по себе. Но эти нормы вовсе не обязательно должны быть закреплены именно нормативно-правовыми актами. Они могут быть и внеправовыми (например, корпоративные стандарты). Для технико-социальных норм, закрепленных в нормативных актах и отвечающих перечисленным признакам правовых норм, логично использовать специальный термин – «технико-правовые нормы».

Таким образом, более справедливой представляется следующая иерархия понятий.

Наиболее общим из них является нормообразование – как объективный, социально-технически обусловленный процесс формирования норм (социальных и технико-социальных).

Нормообразование в сфере социальных норм включает правовое, проправовое (санкционированное) и внеправовое нормообразование.

Правовое нормообразование именуется правообразованием. В нем можно выделить правообразование в области законов и в области подзаконных актов.

Нормообразование в сфере социально-технических норм включает нормообразование в области обязательных норм (в терминологии ФЗ ТР –

«техническое регулирование», а в рамках предложенной понятийной системы – технико-правовое нормообразование) и нормообразование в области добровольно соблюдаемых норм (в терминологии ФЗ ТР – «стандартизация», а в рамках предложенной понятийной системы – нормообразование в сфере добровольных технико-социальных норм).

Все эти термины определяют именно объективную, социально-технически обусловленную сторону формирования и развития соответствующих норм.

В области деятельности соответствующих субъектов по целенаправленному созданию, изменению и отмене норм, исходя из вышеизложенного, предлагается следующая иерархия понятий.

Наиболее общим является нормотворчество – процесс создания, изменения и отмены норм (социальных и технико-социальных).

Нормотворчество в области социальных норм включает правовое, проправовое (санкционированное) и внеправовое нормотворчество.

Правовое нормотворчество именуется правотворчеством. Термин, предложенный В.С. Нерсисянцем – «правоустановление» - представляется излишне узким, поскольку он, сводя роль государства к установлению и фиксации в форме нормативно-правовых актов уже сложившихся объективно норм, преуменьшает роль творческого, аксиологически детерминированного момента в создании правовых норм.

Х.И. Кайтаева подчеркивает: «Было бы неверно сводить роль законодателя лишь к выбору одного из нескольких вариантов правового воздействия, выработанных социальной практикой. Как справедливо отмечается в литературе, именно на стадии правотворчества сохраняется возможность максимально руководствоваться принципом целесообразности, который, тем не менее, предполагает возможность и способность правотворца соотнести весьма разнообразные факторы, последствия, экономические и политические выгоды, осуществить справедливый учет множества разнообразных законных интересов. Поэтому в процессе правотворчества «из

альтернативных вариантов избирается наиболее целесообразный, то есть наиболее соответствующий поставленным законодателем целям и наиболее соответствующим представлениям общества о справедливости» Целесообразность выражает качественное своеобразие природы правотворчества в отличие, например, от правоприменения и толкования, подчиненных требованию законности как антипода целесообразности» [16].

Сходной позиции придерживается и Е.А. Лукашева, согласно которой «процедура нормативно-оценочного отражения включает оценки (т.е. сравнение данной типичной ситуации с иными и выявление ее пользы либо вреда для субъекта познания), вынесение ценностного суждения и, наконец, трансформацию ценностного суждения в идеальную норму». Процесс осознания увеличивает долю субъективного момента нормогенеза. Д.А. Керимов делает акцент на творческом преобразовательном характере правотворца: как формулирует его позицию Кайтаева, правотворец «не только должен отражать в издаваемых нормах изменения внешней среды, но и обеспечивать активное воздействие на эти изменения, тормозя эти социальные процессы, либо ускоряя и охраняя их. Законодательная практика, по мнению ученого, потому и носит творческий характер, что не просто отражает изменения внешней среды, а является сложным процессом ее целенаправленного, концентрированного и нормативно-правового преобразования. Лишь благодаря этому продукты законотворчества - правовые нормы - обретают силу активного обратного воздействия на внешнюю среду, их в конечном счете породившую». Таким образом, понятие правотворчества в большей степени отражает активную позицию правотворца, а термин «правоустановление» можно использовать для частных аспектов деятельности по формированию социальных норм, в которых действия государства имеют более пассивный, санкционирующий характер. Например, «правоустановлением» можно именовать деятельность государства по санкционированию проправовых норм, таких, как нормы саморегулируемых организаций в рамках модели «санкционированного» саморегулирования.

В области правотворчества необходимо выделить творчество в области законов (законотворчество) и творчество в области подзаконных актов.

Нормотворчество в области технико-социальных норм включает технико-правовое нормотворчество (нормотворчество в техническом регулировании) и нормотворчество в области добровольных технико-социальных норм (нормотворчество в стандартизации).

Некоторые авторы предлагают выделение третьей ступени процессов нормообразования на примере законотворчества – законодательный процесс.

«Законотворчество, - пишут авторы курса «Парламентское право», - как более широкое понятие включает в себя действия и отношения, предваряющие законодательный процесс, как деятельность, ограниченную лишь рамками парламента» [29].

Некоторые авторы рассматривают законодательный процесс как часть процесса законотворчества. По их мнению, законотворчество не исчерпывается собственно созданием закона, а может включать оценку его эффективности и возможную последующую корректировку [30].

«Законотворчество можно рассматривать в двух измерениях: собственно-юридическом (нормативном) и социально-политическом. В первом понимании это строго урегулированные конституционными и иными правовыми нормами процедуры внесения законопроекта в парламент, его рассмотрения, доработка и принятия, а также подписания и обнародования... Другая сторона законотворчества отражает его понимание как процесса выявления и реализации в законе социальных интересов...» [31].

Таким образом, предлагается разделять законотворческий процесс как более широкое понятие, охватывающее всю деятельность уполномоченных органов по осмыслению потребностей в законе, его разработке и принятии, и законодательный процесс как более узкое понятие, описывающее формализованный и определенный соответствующими нормативно-правовыми актами процесс принятия закона.

В принципе, подобное разделение имеет смысл и для других видов нормотворчества и правотворчества, но соответствующие термины – «нормодательный процесс» и «праводательный процесс» отсутствуют в современной юридической литературе, что, однако, не исключает необходимости учитывать описываемые ими явления.

Исходя из вышесказанного, можно определить нормообразование в техническом регулировании – как объективный процесс выработки и закрепления в обществе технико-правовых норм, описывающих минимально необходимые (с точки зрения безопасности) практики поведения людей по отношению к объектам внешнего мира, и нормотворчество – как творчески-волевой процесс уполномоченных субъектов по формированию, принятию, изменению и отмене документов, формализующих технико-правовые нормы.

Список использованных источников и литературы

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права. - М., 2000. С.410.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. - М., 2001. С.297.
3. Алексеев С.С. Право: Азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования. - М., 1999. С.89.
4. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. - М, 1981. С.309.
5. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. - СПб., 1998. С.208.
6. Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Н.Новгород, 1994. С.20.
7. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. - М., 2001. С. 229.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права. - М: Манускрипт, 1996. С.161.
9. Оксамытный В.В. Теория государства и права: Учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2004. С. 373
10. Соловьев А.А. Правотворческая деятельность органов внутренних дел субъектов Российской Федерации: На материалах ГУВД Московской области. Дисс.... канд. юрид. наук. - М., 2003. С.18
11. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / Пер. с румын.; Под ред. Д. А, Керимова и др.-М: Прогресс, 1974.
12. Алексеев С. С. Проблемы теории права. - Свердловск, 1973.-Т. 2. С. 5-9.
13. Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства: вопросы теории. М.: Юрид. лит.,1977. С 82-83.
14. Ильин А.В. Федеральное правотворчество в современной России. - Дисс. ... канд. юрид. наук. - Н.Новгород, 1994.
15. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. - М.,1999. С.415-416.

16. Кайтаева Х.И. Правотворчество в правовом государстве : Дисс... кандидата юридических наук.- Москва, 2006
17. Сысоев Ю.Е.. Системообразующие принципы нормотворчества: Дис. ... канд. юрид. наук : Москва, 2006
18. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
19. Толковый словарь Даля. В.И. Даль. 1863-1866.
20. Капелюшников Р.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 // Экономический журнал ВШЭ, 2010. – № 1.
21. Ostrom, E, with Crawford, Sue E. S., A Grammar of Institutions // American Political Science Review 89, no.3 (September 1995): pp. 582-600.
22. Теория государства и права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 179.
23. Мелехин А.В. Теория государства и права: курс лекций. М., 2003. С. 118
24. Полежай Т.П., Шелестов В.С. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Советское государство и право, 1960, №10;
25. Алексеев С.С. Теория права. М., 1971.
26. Черданцев А.Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. – 1964. - №7.
27. Иванова В.Н. Техничко-юридические нормы в системе правового воздействия на научно-технический прогресс // Правоведение, 1983, №2.
28. Калмыкова А.В. Техническое регулирование: правовые аспекты. Научно-практическое пособие. - М.: «Волтерс Клувер», 2010. - 384с.
29. Парламентское право России I Под ред. Степанова И.М., Хабриевой Т.Я. - М., 1999. С. 98.
30. Чехарина В.И. Законодательный процесс и парламентское право России: Учебное пособие / Под ред. И.М.Степанова, Т.Я. Хабриевой. - М., 1999. С. 95-147.
31. Шохин. А. Взаимодействие властей в законодательном процессе, М., 1999.